

Мария Евгеньевна Некрасова
Толстый – повелитель огня
Серия «Толстый», книга 5

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163432

Некрасова М. Толстый – повелитель огня: Повесть: Эксмо-Пресс; М.; 2008

ISBN 978-5-699-26577-0

Аннотация

А если бы телефонные хулиганы звонили твоей бабушке? И предлагали бы почтенной старушке поучаствовать в выставке тараканов или на крышу подняться котом погонять? Начинаящий оперативник Александр Уткин просто обязан вмешаться в это дело. Но что-то все время Саню отвлекает: то забравшихся в квартиру воров поймать нужно, то коварного поджигателя пекарни вычислить. Хорошо, что крыс по кличке Толстый, верный помощник сыщика, сумел раздобыть решающую улику! Теперь ясно: все эти события связаны между собой...

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	20
Глава V	25
Глава VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мария НЕКРАСОВА

ТОЛСТЫЙ – ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЯ

Глава I

Ваня – собиратель тараканов

Вот так лежишь себе на диване, рисуешь, никого не трогаешь. Картина дивная вокруг: Ленка, сестра, в твоих дисках копается (сейчас она у меня получит, дорисую только), бабушка диктора в телевизоре отчитывает: «Не по средам, а по средам, так и не научилась, Кукушкина!», верный крыс под боком – карандаш догрызает, морда черная от грифеля. Спокойствие и умиротворение, короче, ништяк. И все это обрывается одним телефонным звонком! Вот так: «Дзы-ынь!» – и прощай, спокойный вечер.

Ленка замерла у полки с дисками. Ее рука с альбомом «Рамштайн» вопросительно зависла в воздухе.

– Положи обратно, – подсказал Тонкий, и Ленка послушно положила. Бабушка выключила громкость у телевизора, но подойти к телефону не решалась. Даже Толстый перестал грызть карандаш. Крысы чувствуют неприятности.

А телефон звонил.

– Я отвечу, ба. – Тонкий встал, но бабушка его остановила:

– Не нужно, Сань. Я сама. Хочу выяснить, кто этот мерзавец. – Она потянулась через спинку кресла и включила «громкую связь»: – Слушаю!

– Здравствуйте, Валентина Ивановна. – Тонкий узнал этот высокий мальчишеский голос и приготовился злиться. – Валентина Ивановна, вас беспокоят из общества разведения элитных пород тараканов. У нас завтра выставка за рубежом, могу я отправить туда пару ваших экземпляриков?

– Тебе делать нечего? – устало спросила бабушка.

– Отчего же? – возразил незнакомец. – Я как раз при деле, выставку вот организовал. Так можно у вас одолжить парочку тараканов?..

– Хватит людям нервы трепать! – призвала к порядку бабушка. – Иди учи уроки!

– Какие уроки, Валентина Ивановна?! Я уже давно не школьник...

– Незаметно. Прекрати названивать, а?

– Да я разве названиваю? – делано удивился незнакомец. – Я вот только сегодня, по делу. Эта выставка очень важна для нашего клуба. Позвольте отправить туда парочку ваших жирненьких отменных тараканов. Пожалуйста!

– Забирай хоть всех! – бабушка обреченно махнула рукой. – Надоели хуже горькой редьки. Всё?

– Нет! – оживился парень. – Вам необходимо собрать справки для вывоза животных за границу...

– Это насекомое!

– Неважно. Записывайте: справка из психдиспансера...

Вот тут бабушкины нервы и сдали. Она повернулась к телефону, будто он и предлагает ей принести справку:

– Ты что городишь, валенок сибирский?! Какую справку тебе надо, сам справку принеси, тогда и разговаривать будем! Я узнаю, из какой ты группы, утконос щенявый, до пенсии у меня учиться будешь, если в армию не заберут! Не заберут, – ответила она самой себе. – Там такие пустобрехи не нужны. Что молчишь, смердюк безрогий?!

– А я говорил, что вам нужна справка из психдиспансера, – включился парень. – Видите, я только начал диктовать, а вы уже волнуетесь...

– Иди лифт нюхай, шаромыжник! – Бабушка с такой силой ударила по кнопке, что телефон подскочил.

Нет, вообще-то она хорошая, русский язык в университете преподает, внуков не обижает, и вообще. Но если начнут звонить по десять раз в день и говорить всякие глупости, тут любой взбесится.

Главное – учебный год только начался. Зимой после сессии бабушка бы мигом открыла свою тетрадку, увидела, у кого «хвост», и вычислила бы хулигана. Доводят преподавателей обычно младшие курсы, старшекурсники не тратят время на всякую чепуху, это еще больше облегчает поиск... Но год только начался. Первокурсники еще даже ни одного реферата не написали! И до экзаменов много времени. Никто из бабушкиных студентов не успел получить двойку и затаить зло на преподавателя.

Тонкий швырнул планшет на диван и пересел в кресло рядом с бабушкой. Ленка усеелась на подлокотник: она, конечно, дурная, но своих в обиду не даст.

Бабушка сидела бледная и расстроенная, старательно делая вид, что смотрит немой телевизор.

– Ты уверена, что он вообще из университета? – спросил Тонкий.

– Да мало ли придурков на свете! – поддержала его Ленка. – Может, ты в трамвае с кем-то поссорилась?

– Ага, – оживился Тонкий, – представилась по имени-отчеству и дала телефон: «Звоните, молодой человек, в любое время дня и ночи, продолжим нашу милую беседу!» Не дури, Лен.

– Телефон он мог сам узнать, – огрызнулась Ленка. – Подсмотрел, как она идет домой, купил диск с телефонами-адресами...

– Проследил за ней несколько вечеров подряд, чтобы установить, действительно ли она там живет или в гости к кому заходила... – поддержал Тонкий и неоригинально получил подзатыльник. Но хорошо хоть сестренка поняла, что говорит глупости.

Конечно, все может быть. Может быть даже, Ленка права и такие маньяки действительно существуют в природе. Не исключено, что они ездят в трамваях и цапаются там с бабушками. Что тут такого, со всеми бывает! Однако шансы, что бабушке «повезло» нарваться на придурка, который вычисляет координаты неугодных попутчиков и названивает им со всякими глупостями, э-э-э... невелики.

Бабушка вроде немного отошла. По крайней мере, отвернулась от телевизора.

– Откуда он еще может быть, сами подумайте? Я, кроме работы, никуда и не хожу. На лавочке с бабульками не сижу, не знаю даже, как соседей зовут. Кроме Майи Дмитриевны, конечно...

Она резко замолчала. Судя по лицу, пыталась представить, как престарелая Майя Дмитриевна, школиво хихикая, на цыпочках подбегает к телефону и, зажав нос прищепкой, чтобы изменить голос, по-мальчишески пищит в трубку: «Але! Валентина Ивановна? Пожалуйста, одолжите нам парочку тараканов для международной выставки...»

Нарисованная картина показалась бабушке настолько абсурдной, что она испуганно замотала головой:

– Чушь какая!.. Нет-нет, это кто-то из моих студентов хулиганит. Больше некому.

Она включила громкость у телевизора, давая понять, что разговор окончен. Ленка посидела секунду на подлокотнике и вернулась к полочке с дисками. Толстый забрался Сашке на колени и приготовился доедать карандаш.

– Перегрызи телефонный провод, а? – попросил Тонкий. – Родители и на сотовый позвонят.

– Не смей! – среагировала бабушка. – Мне могут звонить по делам, не у всех есть мой сотовый.

– Так дай им номер!

– Ага, чтобы все мне на трубку названивали!

Вопрос был исчерпан. Тонкий не понимал, что за трагедия такая – ну будут все звонить на сотовый, входящие-то бесплатно! Только догадывался, что спорить с бабушкой – гиблое дело. Она сейчас придумает тысячу и одну причину, и каждая будет надуманной и попросту дурацкой. Но именно поэтому бабушку и не переспоришь. Трудно придумывать контраргументы там, где аргументов-то нет.

А телефон опять зазвонил.

– Я подойду. – Бабушка нажала «громкую связь» раньше, чем Тонкий успел возразить.

– Але. Это коты.

– Какие коты?

– С крыши, – отвечал наглый студент. – Выключите эту дурацкую передачу, у нас от нее антенна шатается.

Бабушка потянулась и правда выключила телевизор.

– Всё?

– Нет. Зачем вы дали Мурке валерианы?

– Я?! – оскорбилась бабушка. Она очень переживала, когда ее в чем-то обвиняют. Пусть даже все обвинения – откровенное вранье.

– Вы, – не смутился собеседник. – Мурка теперь пляшет джигу, и мы не можем уснуть. Топают громко по крыше, понимаете? Можно, мы отправим ее к вам?

– Тебе делать нечего, зануда? – неоригинально спросила бабушка.

– Зануда – женского рода, – неожиданно обиделся Неизвестный студент.

– Спорим?! – оживилась бабушка.

Студент смутился:

– Э-э... Ну, Валентина Ивановна!

– Что тебе, австралопитек?

– Я – кот... Пожалуйста, заберите Мурку! Она так топает, так топает, вы не представляете! Васька вон с крыши свалился уже...

– На лапки приземлится, – негуманно заметила бабушка. – Хрюкальник утрет и дальше побежит.

– И вам его не жалко?

– Да мне себя жалко, ятидреный хряп, что со стрекозлами дефективными время теряю! Спать давно пора!

– Ну можно мы отправим к вам Мурку спать? – не сдавался студент.

– Да-вай, – вздохнула бабушка. Тонкий подумал, что ее, наверное, уже здорово достали, раз она готова в одиннадцатом часу вечера принять в гости незнакомую пляшущую Мурку.

– Только вам самой за ней слазить на крышу. А то Мурка боится высоты!

К такому подвигу бабушка готова не была. Но и ругаться, похоже, устала.

– Ложись спать, шалопут. Завтра приду и всем поставлю двойки.

– Мы – коты неграмотные...

– Не булькай, пельмень! – бабушка нажала кнопку.

Тонкий сидел в кресле. Толстый – рядом. Ленка медитировала возле полочки с дисками. Бабушка сидела, уставившись в черный экран телевизора. «Спокойной ночи» называется. И так – каждый вечер.

Только не надо про АОН – бесполезное это изобретение, Тонкий уже убедился. Ставил на днях, ага. Номер хулигана не определяется, равно как и номера родителей, звонивших по ай-пи телефонии, бабушкиных коллег, звонивших из древнего телефона-автомата в коридоре университета.

Не надо про «Отключить телефон» – бабушка уже сказала все, что об этом думает, ее не разубедишь.

Автоответчик? Тоже ставили. Бабушка его отключила уже к обеду, потому что устала выслушивать и стирать монологи Неизвестного студента: «Вас приветствует Миусский телефонный узел. Завяжите свой телефон узлом и выиграйте бесплатную поездку в Миус-сию»...

Что еще? Милиция? Можно, конечно, да только... Милиция делает серьезное дело – каждый день с перерывом на обед раскрывает ограбления, кражи, разбои...

А тут – какие-то коты с крыши! Несолидно, господа. Тонкий постеснялся бы идти с таким заявлением, и бабушка запретила: «Сами разберемся». Да и какой тут, извините, состав преступления? Даже под статью «Мелкое хулиганство» Неизвестный студент не попадает:

Нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие действия (сильный шум и иное проявление эмоций, доведенное до крайности), демонстративно нарушающие общественный порядок.

Конечно, читал это Тонкий, куда деваться! Полночи просидел в Интернете, а выяснил только то, что Неизвестный студент не нарушает общественный порядок. Поэтому заявление в милицию, конечно, примут, но все, что смогут сделать, – это вызвать пацана в отделение и поговорить на тему: «Зачем ты это делаешь?» Все! К тому же пранкеры (телефонные хулиганы) – народ грамотный, вычислить номер не так-то просто. Стоит ли отвлекать людей от работы ради душевительной беседы с придурком, который выставляет за границей своих тараканов, а свободное время проводит с котами на крыше?!

– Ты что раскис, кулема? – бабушка тронула Сашку за плечо. Ругаться много она стала с этим Неизвестным студентом. По-старушечьи – не обидно, а все-таки... – Велика беда: позвонит и перестанет! Иди спать, вон уже носом клюешь. – Она взяла очки с тумбочки и побрела в свою комнату.

Ленка тоже убежала, у нее свои дела: сейчас включит компьютер и будет полночи по «аське» болтать. А кому-то завтра в школу...

Тонкий сгреб верного крыса, тоже пошел к себе и тоже включил компьютер. У него были дела поважнее. Бабушка правильно сказала: не будем подключать милицию, разберемся сами. Только сперва подсоединим наушники к колонкам, чтобы никого не разбудить. Проверим, плотно ли закрыта дверь в комнату. (А то вдруг войдет бабушка, увидит, что у нас на мониторе, да и обрадуется раньше времени!) Устроимся поудобнее в своем холмистом кресле, посадим на стол верного крыса для моральной поддержки и займемся, наконец, делом.

Рунет – такой маленький, такой тесный. Прятаться будешь, ники менять, как перчатки, плавающий айпишник, то-се... А тебя все равно найдут! Найдут быстро, легко и непринужденно, за каких-то два-три дня. Просто потому, что ты – это ты.

Потому, что ты учишься в бабушкином университете. (Не отмазывайся, это было ясно с самого начала. А сегодня еще кто-то неосторожно замаялся, когда бабушка предложила поспорить, какого рода слово «зануда». Замаялся, значит, знал: не со швеей на пенсии споришь, а очень даже с профессором, преподающим русский язык в университете.) А если ты – бабушкин студент, значит, хоть иногда появляешься на университетском форуме. Темы курсовых и рефератов, вопросы к экзаменам требуются порой даже самым отпетым хулиганам...

Потому, что ты любишь мотоциклы и апельсиновый сок (о чем неосторожно сболтнул по телефону и написал в профайле).

Потому, что часто употребляешь слово «поболтать», только пишешь его через «а». (Приметная ошибочка, согласишься?)

Потому, что вчера тебе поставили такой фингал, что ты теперь на улицу носа не кажешь, дабы не получить второй во время уличного фейс-контроля. (Об этом ты тоже неосторожно сболтнул по телефону, а еще записал в своем виртуальном дневнике, на который есть ссылка в студенческом форуме.)

Потому, что, в конце концов, ты доводишь бабушку! А уж свою-то бабушку Тонкий ни с какой другой не спутает. Ты только вякни где в Рунете, что она сказала тебе вчера (только дословно, дословно процитируй!) – и дело в шляпе.

Тонкий зашел на сайт пранкеров и открыл страницу со свежими файлами. Телефонный хулиган – он ведь не просто так время коротает. Разговор с жертвой записывается и выкладывается в Интернет, чтобы все могли посмеяться над тем, как ругается жертва. Тонкий сколько раз бабушке говорил: «Не разговаривай с ним, не ругайся, ему того и надо...» – все без толку.

На сайте пранкеров был настоящий склад записей телефонных разговоров. Тонкий уже потратил две ночи, прослушал кучу файлов и, кажется, нашел...

Из двухсот чужих разговоров пара десятков дала плоды: знакомый голос доводил то незнакомого человека, то знакомую поп-звезду: «Але, это коты!» И незнакомые люди, и знакомые поп-звезды ругали знакомый голос на чем свет стоит – две, десять, а кто и сорок минут. Голос довольно ржал.

Незнакомым людям и знакомым звездам давались прозвища. Ими же часто и назывались файлы: «Балбес», «Балбес бредит». Рядом указывался автор. Так вот: автор всех файлов со знакомым голосом – некто Ваня. Вот ты и попался, Неизвестный студент! Может, конечно, и голоса похожи, и прикол с котами позаимствован, Тонкий это выяснит. И тогда...

Новых файлов оказалось немного: со вчерашнего дня прибавилось всего-то пять. «Тараторка» (автор – Ник), «Тараторка болеет» (автор – Ник), «Боря» (автор – Санек) и... «Старуха», «Старуха-2» (автор – Ваня)!

Нет, конечно, Тонкий не удивился. Он догадывался, что так будет, и даже ждал, когда же там этот Ваня докажет свою виновность, выложив в Сеть записи разговора с бабушкой... Но все равно запустил файл не сразу.

– А ведь это студенты услышать могут. Еще плохому научатся, – сказал Сашка вслух то ли Толстому, то ли самому себе. Верный крыс сидел на столе у клавиатуры и грыз клавишу. Ему было решительно наплевать на то, каким ругательствам могут научиться студенты у преподавателя русского языка.

...То, что, когда преподаватель заходит в аудиторию и сто человек с разных потоков начинают истерически ржать, цитируя его вчерашнюю беседу с пранкером, преподавателю, наверное, обидно.

...То, что читать лекции такой компании, мягко говоря, затруднительно. И работать в коллективе, где все слышали, а кто не слышал, тот просто знает. И жить во дворе, где...

– Дурак ты, Толстый! – Сашка надел наушники и все-таки запустил злополучный файл.

– *Добрый вечер. Вас беспокоит служба городской канализационной сети «Бултышка».*

Вы знаете, что у вас имеется задолженность за сентябрь?

– *Какая задолженность?* – спросил хорошо знакомый голос. Бабушкин, ага.

Странно было слушать бабушку в записи. Вроде она вроде как вчера говорит с Неизвестным студентом – те же слова, те же интонации. Только все равно не она. Не бабушка уже, а «Старуха» – жертва пранкера Вани, над которой теперь потешается весь мир.

– *За сентябрь!* – лаконично ответил Ваня. – *У вас есть сутки, чтобы оплатить счет, иначе ваш унитаз будет включен в режиме обратной промывки.*

– *Это как?.. Да ты что городишь, шантрапа?!*

Тонкий остановил воспроизведение: слушать это дальше было выше человеческих возможностей. Да и зачем? И так все ясно: попался Ваня.

Контакты пользователей не афишировались, оно и понятно: кому охота огребать за свои поступки от рассерженного внука жертвы! Ни «аськи», ни мыла – ни-че-го. (На форуме, кстати, тоже нет, видимо, не такой уж лопух этот Ваня.)

Зато была возможность отправить личное сообщение любому из авторов сайта, чем Сашка и воспользовался. Только вот что написать?

Здравствуй, Ваня!

Ты обидел мою бабушку. Напиши, пожалуйста, свой адрес, чтобы я мог приехать, включить твой унитаз в режим обратной промывки, а также загнать на крышу твоего кота и заставить его плясать джигу.

Да, и я обязательно добьюсь, чтобы твоих тараканов дисквалифицировали за неспортивное поведение на выставке.

Жду с нетерпением.

Саша .

Ответит пранкер на такое письмо, как же! Ваня их небось получает пачками, каждый день по сотне штук. Нет, надо быть похитрее. Хочешь выцепить Ваню – умей вертеться.

«Привет. Надо встретиться, поговорить, стучись в „аську“». Уже лучше. Только «аську» дадим не свою, а сделаем новую, с другими данными пользователя. Вместо «Надо встретиться, поговорить» напишем: «Давай встретимся». И прикрепим фотку какой-нибудь клевай девчонки. Только не известной артистки, а то Ваня мигом раскусит.

Десять минут поисков, еще столько же – на создание новой «аськи», и – вуаля.

Привет.

Давай встретимся. Стучись в «аську».

Номер новенькой «аськи» и фотка Чудненко! Когда окрыленный Ваня явится на встречу с девчонкой, у которой Тонкий позаимствовал фотку, его будет ждать сюрприз. Даже два... Нет, три! Парню девятнадцать лет (судя по данным на студенческом форуме), убедить его больше не лезть к бабушке будет не так-то легко. В одиночку Тонкий наверняка не справится. Возьмем с собой Федорова и Фомина (они дерутся здорово), тогда и убедим.

Тонкий нажал «отправить», открыл новенькую «аську» и стал ждать. Интересно, этот Ваня в Сети или нет? В «личке» этого не видно. А то, может, он сопит себе в две дырочки, а Тонкий тут сиди до утра!

Сашка выдернул наушники из колонок, чтобы услышать, как пискнет «аська», встал. За стенкой храпела бабушка (еще чуть-чуть, и она будет отомщена). За другой – стучала по клавишам Ленка. На столе у Сашки – Толстый, тоже тиранил клавиатуру. Особенно его привлекала крупная клавиша «капс лок». Уж он ее грыз! Уж он ее тянул!

Тонкий взял нож для бумаги, подковырнул и вытащил клавишу. Верный крыс подхватил ее и тут же утащил в свою клетку. Пусть сгрызет, если хочется. Как мало нужно для счастья, если ты – крыса!

От нечего делать Сашка сходил в кухню – поискать человеческого счастья, и не нашел. Стрызть можно было только черствый позавчерашний пирожок, а все остальное – разогреть или приготовить. Во жизнь!

Тонкий смотрел в черноту кухонного окна и жаловался про себя невидимому собеседнику. Бабушку достают, счастья в холодильнике не наблюдается, учебный год начался, а хочется, чтобы продолжалось лето. Летом все пранкеры на югах пузо греют и никто не достает бабушку.

Невидимый собеседник не подавал признаков жизни. Даже ветка не шевельнулась за окном. Тонкий обиделся.

– Ты – идиот! – сказал он вслух и даже испугался собственного голоса. Слишком громко получилось в спящем доме. – Тебе жалуются, а ты молчишь, – добавил он тише и услышал ответ.

– Стоять! – кричали в мегафон, с улицы. – Что в сумке?! Поставь на землю и открой!

Испугаться Тонкий не успел, подбежал, прилип к оконному стеклу, закрывшись ладонями от света холодильника. Под окном стояла патрульная машина с выключенными фарами, в двух шагах от нее – парень с большой сумкой. Сумку он поставил, расстегнул, как было велено. Из машины вышел милиционер, сверкнул фонариком на сумку, козырнул и ушел обратно в машину. Парень поспешил ретироваться. Все. Проверка документов, экспресс-обывск – ложная тревога. Вот и поговорили.

Или нет? Патрульная машина, конечно, может стоять, где ей вздумается, но... Может быть, она ждет кого-то конкретного? Тонкий слышал краем уха, что у них в подъезде за один сентябрь были две квартирные кражи. Слышал в разговоре подъездных бабулек и подойти переспросить, ясно, постеснялся. Может, и врут они все. Может, патрульная машина здесь просто так стоит? Может, стоит по делу, но по другому.

В комнате запищала «аська», вот и Ваня!

Тонкий захлопнул наконец холодильник и поспешил в Интернет. На полпути обернулся и сказал невидимому собеседнику:

– Все равно, ты – идиот! – Настроение было по-прежнему гадким.

Глава II

«Нармальный» Ваня

Ваня был в своем репертуаре: многословен, безграмотен и хамоват.

– Здорóво! Давай пабалтаем, если хочеш.

– ДАВАЙ, – ответил Тонкий и сам испугался собственного текста. Оторванный «капс лок» валялся в клетке Толстого. Сашка нажал на то, что осталось от клавиши, но ничего у него не вышло.

– МЕНЯ ЗОВУТ ИРА. А ТЕБЯ?

– Ваня. Ты блондинка, Ира?

– А КАК ТЫ ДОГАДАЛСЯ?

– Дык! Нискажу.

– НУ И НЕ ГОВОРИ! – обиделся Тонкий. Не мог же он сказать, что «капс лок» съела крыса. Хотя почему бы и нет? Хоть заинтересуем этого Ваню своей чумовой оригинальностью.

– МОЙ КАПС ЛОК СЪЕЛА КРЫСА.

– Фига се! Ты что, в тюрьме? Или в деревне?

– В МОСКВЕ Я, РАССЛАБЬСЯ. ЗДЕСЬ ТОЖЕ КРЫСЫ ВОДЯТСЯ.

– Ты бомж? Из падвала?

– САМ ТАКОЙ! – обиделся Тонкий. Ничего себе манеры у этого Вани! Может, он потому и развлекается телефонным хулиганством, что у него друзей нет? Кто ж захочет с таким общаться?

– Шучу, – поспешил оправдаться Ваня. – Она у тебя дома, что ли, живет?

– УГУ.

– Пригласишь познакомиться?

– Я ЛУЧШЕ С НЕЙ НА СТРЕЛКУ ПРИДУ, – угрожающе ответил Тонкий. Ваня даже забеспокоился:

– А она нам не помешает?

– СМОТРИ КАК ВЕСТИ СЕБЯ БУДЕШЬ.

– Да ладно тебе! Я нармальный!

Тонкого согнуло пополам. Жаль, бабушки рядом нет, она бы тоже посмеялась. Вряд ли у нее таких «нармальных» полкурса, это же редкость, е-мое!

– ТАК МЫ ВСТРЕТИМСЯ? – взял Тонкий быка за рога.

– А куда ты так торопишься-то? – забеспокоился Ваня. – Что ли, в армию уходишь?

– ШУТОЧКИ! – возмутился Тонкий. – МЫ НЕ В ИЗРАИЛЕ. ЧЕГО КОМПЬЮТЕР МУЧИТЬ, КОГДА МОЖНО В ОФЛАЙНЕ НАГОВОРИТЬСЯ?!

– А я, может, не хочу! – соригинальничал Ваня. Ну-ну. Не хочет он. И поэтому в два часа ночи терзает «аську», вместо того чтобы спать, как все нормальные люди.

– КАК ХОЧЕШЬ! – показал Тонкий женскую гордость.

Пусть не воображает себе этот Ваня, век бы его не знать! В «инвизибл» уйти, что ли, пускай помучается? Сказано – сделано.

Увидев красный цветочек «аськи», Ваня повел себя неоригинально. Сашка даже стал подумывать, не лечь ли спать – больно зевота замучила. За первые пять минут бойкотирования от Вани пришло около пятнадцати сообщений со словом «Неабижайся». Потом – десяток бородатых анекдотов, один за другим. На одиннадцатом Тонкий не выдержал и послал Ване скупой смайлик, чтобы тот не терял надежды. И тогда Ваня сломался:

– Завтра в шесть на Арбате, у стены Цоя.

– ДОГОВОРИЛИСЬ, – ответил Тонкий и даже нашел в себе терпение попрощаться. –
Я ПОЙДУ СПАТЬ, ПОКА.

Чудны дела твои, Всемирная сеть!

Глава III

Вредный саксофонист

Федоров и Фомин – Сашкины одноклассники, хотя бабушка зовет их просто «шантрапа». Учатся неважно, школу прогуливают, в свободное от получения двоек время тусуются в подвале. Но Тонкий всегда их уважал: балбесы, конечно, те еще (Федоров – особенно), зато в сложной ситуации на них действительно можно положиться. Например, минувшей зимой, когда пропал Толстый, Федоров с Фоминым облазили все окрестные подвалы и переловили там, наверное, всех крыс... Ну, чтобы Тонкий мог опознать свою, они ж не знали, какую ему надо!

Вуколову тоже взяли с собой: она дерется здорово, и бабушка ее уважает. (Вот бы ты у меня так учился!) Для прикрытия Людка хороша опять же: «Да, я вас так прикрою своим могучим корпусом, за моей спиной все трое поместитесь!»

Вообще, это почти правда: за вуколовской спиной запросто могут спрятаться Тонкий и Федоров (а вот Фомину места уже не хватит). Но Людку взяли с собой не за этим. Кроме шуток: увидев компанию ребят, Ваня может заподозрить неладное и сбежать. А вот компания ребят с девчонкой вряд ли вызовет у него нездоровые мысли о врагах и кровопролитии. Девчонки редко ездят разбираться с телефонными хулиганами, так что Вуколова для их компании как шапка-невидимка. Не «Армия кровожадных школьников приехала на разборку с одним пранкером», а вовсе даже «Мирная тусовка вышла погулять».

Хотя Федоров, например, сомневался в качестве их маскировки.

– Ты не боишься, что Ваня заметит нас раньше и убежит? Увидит: вон сколько народу пришло – и деру! А мы его даже узнать не успеем, Ваню этого!

Он горланил на весь Арбат под учительское шиканье Вуколовой. Сашка подозревал, что уже все Вани, какие есть в радиусе сотни метров, его слышали. Может, еще и не разбежались, но уяснили наверняка: Федоров пришел их бить и пощады не будет.

Тонкий терпеливо смотрел под ноги в надежде, что Вуколова сама все объяснит неразумному Федорову. Она и объясняла:

– Он ведь послал фотку девчонки, Федь! Ваня и будет стоять, высматривать, как дурак, девчонку. А мы, в свою очередь, будем стоять в сторонке и высматривать того, кто, как дурак, высматривает девчонку... – похоже, она сама запуталась, но виду не подала. – Да, еще у него фингал, вот тебе и примета!

– Фингал – это хорошо, – солидно заметил Фомин, опять-таки на весь Арбат. – Если у человека фингал, значит, он привык отвечать за свои поступки! Такой человек не станет убегать и прятаться – по себе знаю.

Тонкий осторожно хихикал: на лице Фомина было прямо-таки написано, что за свои поступки он отвечает регулярно и сполна. Да и поступков совершает немало – очень деятельный субъект! Если бы еще он не орал...

– Слушайте, вы, по-моему, всех окрестных Вань распугали, – буркнул Сашка, но его никто не услышал.

Арбат, буднично малолюдный, все равно шумел. Где-то впереди брэнчала гитара, двое парней неподалеку шумно рассказывали анекдоты своим немногочисленным слушателям. Немногочисленные слушатели хохотали, заглушая музыку. У стены Цоя – тоже народу немного: двое парней в рваных джинсах, трое парней в целых джинсах и девчонка, вообще в юбке. Напротив старичок играл на саксофоне, собрав вокруг себя слушателей человек пять.

– Во! – загорланил Федоров, тыча пальцем в собравшихся у стены. – Кажется, Ваня – один из этих!

Двое из компании обернулись, но Тонкий успел сгрести Федорова с Фоминым в охапку и перетащить их на другую сторону улицы. Встали очень удачно: прямо напротив саксофониста. А мы что, мы ничего! Стоим слушаем. Давно, кстати, стоим, вы просто не замечали. А тот придурок, который орал, что один из вас – Ваня, это не Федоров, нет. Он уже ушел, и вообще он вам приснился.

Вуколова их догнала и молча встала рядом. Фомин с Федоровым на секунду притихли, уставившись на саксофониста, но быстро пришли в сознание. А эти двое, когда в сознании, совсем не могут стоять молча.

– Ты че, Санек? – не понял Фомин. – Конспирация, что ли? Да мы им сейчас без конспирации навалаем, если не скажут, кто из них Ваня!

Тонкий подумал, что Фомин и правда навалает, он такой. Вот только Вани среди тех у стены может и не оказаться. Видно же, что одна компания. Вряд ли Ваня на стрелку с девчонкой берет с собой друзей.

– Его там нет, – решительно выдал он. – Стоим, слушаем, ждем, пока подойдет.

– Откуда ты знаешь? – не унимался Фомин.

Вуколова шикнула, и он замолчал, но, кажется, поздно. Если кто-то здесь и не слышал воплей Фомина, так это старичок-саксофонист из-за своей музыки. Но он как раз меньше всего походил на Ваню.

Все остальные, включая компанию у стены, нервно поглядывали на ребят и озирались, словно в поисках Вани.

Тонкий невозмутимо смотрел на старичка и думал, что все, спалились. Если Ваня здесь и был, то он уже давно их услышал и убежал далеко. Вуколова старательно делала вид, что слушает саксофон. Федоров и Фомин откровенно скучали.

Тонкий краем глаза все поглядывал, что творится у стены. Поняв, что драться к ним пока не лезут, парни и девчонка встали полукругом и мирно болтали между собой. Точно – компания. Кажется, никто из них не ждал неизвестную Иру, которая, может быть, и не Ира даже, но нам без разницы, лишь бы ждали. Может, конечно, статья, что Ваня – один из них. Просто пригласил девчонку из «аськи» на свое тусовочное место. А что: когда друзья рядом – не так страшно.

Осмелев, Тонкий повернулся и, прячась за Вуколовой, стал разглядывать компанию. Нет, никого с фингалом среди них не наблюдается, хотя некоторые стоят спиной... А двое, между прочим, в темных очках, да таких, что не разглядишь, есть там фингал или нет. Не видно даже, есть ли вообще глаза или это инопланетный ногоглаз маскируется под человека.

Тонкий тронул Вуколову за рукав и показал глазами на компанию:

– Темные очки видишь?

Она кивнула и уставилась на эти очки, словно и правда надеялась что-то разглядеть под ними. Тонкий покачал головой, и Вуколова его поняла:

– Подойти надо ближе. Только осторожно и по одному.

Собственно, Тонкий так и собирался сделать, но ему нужно было сперва заручиться поддержкой армии.

– Держи Федорова с Фоминым. Я пошел.

Быстро, чтобы Вуколова не успела осознать, какой труд на нее свалился, Тонкий отошел от старичка с саксофоном и осторожно побрел мимо стены Цоя. Может быть, удастся заглянуть под темные очки. Или хоть послушать, о чем говорят.

– Прихожу, а концерт уже начался, никого не пускают. Ну я – в окно. Все с решетками, только одно – без. Я – к нему! В форточку пролез, открыл шпингалет... – парень театрально вздохнул. – Сам, конечно, дурак: не посмотрел сперва, куда лезу...

– Женский туалет?

– Хуже! Комната охранника!

Девчонка вяло хихикнула, остальные, похоже, и не улыбнулись. Компания стояла хоро- водом, причем те, что в очках, – к Тонкому спиной, увидеть их лица можно было, только промылившись в центр хоровода типа «каравай». Ну или забравшись на стену.

Тонкий расстроился и пошел себе мимо: нельзя же так стоять и пялиться на людей. Особенно после того, что устроил Фомин.

Пройдя метров сто, Сашка развернулся, чтобы еще разок продефилировать мимо ком- пании. Ну и что?! Он, типа, гуляет.

– Захожу на кухню: кот на карнизе, глаза – перепуганные! Мать на табуретку с ногами забралась...

– Мышь?

– Сосед. Всю кухню нам залил, сволочь.

Тот, которому залили кухню, кстати, в очках и стоит к Тонкому боком. Что ж, правый глаз – точно без фингала. Еще три раза пройти мимо, замечая каждый раз по новому глазу, – и мы узнаем всю правду.

– Санек! – крикнул в спину Федоров, и Тонкий прибавил шагу.

– Санек, ты куда?

Тяжело Вуколовой держать этих двоих, но она справится. Лишь бы поменьше орали, вот уже парни в компании оборачиваются... И второй глаз цел у залитого. Теперь надо рас- смотреть, что под очками у другого.

Другой словно прочел Сашкины мысли, встал спиной и не желал оборачиваться даже на вопли Фомина:

– Санек, ты че, уходишь?! Эй, а мы? Ну, Людж, ну скажи ему, че за дела? Мы че, слили, что ли? Я не согласен, эй!

Старичок опустил саксофон. Похоже, его достали.

– Если он сейчас не заткнется, я инструмента не пожалею! – Для убедительности он погрозил Фомину саксофоном. – Из-за тебя ж людям ничего не слышно!

– Извините, мы уже уходим! – Вуколова спешно оттаскивала парней от саксофониста, ища глазами Тонкого.

– Вот и уходите! – разошелся старичок. – Люди музыку слушать пришли, а не твои вопли хрипатые! Ща как двину трубой!

Вуколова подхватила парней и бегом нырнула в какое-то кафе. Тонкий секунду постоял, соображая, что делать, и решил, что надо торопиться. Пока эти чумовые не набе- докурили в кафе, нужно отыскать Ваню. Осталось-то – увидеть глаза второго парня в очках. Парень, кстати, смотрел на Сашку в упор, но глаз-то не видно!

Тонкий – человек не гордый, он медленно дошел до конца Арбата, посмотрел, что про- дают художники, послушал музыкантов, развернулся и пошел обратно, в надежде, что уж в этот раз...

Надежды оправдались, но как-то не так. Один из компании (не тот, не очкарик) заметил его метров за десять, сделал знак своим: «Подождите» и вышел навстречу. «Доигрались, – решил Тонкий. – Надо было сразу оттаскивать Федорова с Фоминым подальше, пусть бы потом подошли. А теперь...»

– Парень, знаешь, какой сегодня день?

Сашка невольно вздрогнул. В кино обычно спрашивают, который час, и сами же отве- чают: «Время получать по шее». После чего по шее же и дают. Видимо, этот, в рваных джин- сах, решил соригинальничать и объявить не время, а, скажем, «День разбитых носов» или «Праздник черного фингала».

«Вообще-то, не страшно, – думал Тонкий, с умилением наблюдая через огромное окно, как Вуколова одной рукой зажимает Федорову рот, а другой усаживает Фомина за столик. – Не страшно, со мной армия. Только и у рваных народу прибыло».

Да, пока он гулял, к тусовке у стены присоединились еще трое, без очков, без фингалов, зато шириной с полторы Вуколовых... Будет смешно, если это все Ванины друзья.

– Так какой сегодня день-то? – наседал этот, в рваных джинсах.

Тонкий уже подумывал, сразу ему врезать или подождать. Но на всякий случай ответил:

– Понедельник.

– А вот и неправда! – просиял парень. – Сегодня день смерти Виктора Цоя, мы собираем на свечки. Дай десятку, а?

Если бы не вновь прибывшие амбалы, Тонкий рассмеялся бы, не стесняясь. А он-то думал Ваня умный, Ваня с армией пришел, бить его будет! А Вани нет, зато есть всякие в рваных джинсах, которые стреляют у прохожих на пиво, а сами повод придумать не могут.

– День рождения Цоя в августе был, ты что?!

Парень разулыбался, как историчка, которой в кои-то веки ответили правильно.

– Правда! А ты, вообще, Цоя уважаешь или просто так подошел?

– Просто так, – честно ответил Тонкий, и зря. Улыбка у парня сползла и шмякнулась об асфальт. По крайней мере, Тонкий вздрогнул от этого неслышного шмяка. Парень набрал в грудь воздуха, огляделся – свои рядом – и торжественно произнес:

– Тогда и гуляй отсюда!

– А че, нельзя?

– Нет. Я сказал.

Тонкий не понял, кто, когда и что успел и какую развил при этом скорость, но за спиной послышались до боли знакомые голоса:

– Ты че, опух?

– Совсем?!

Федоров и Фомин. Вырвались из кафешки. Хотя, может, Вуколова и сама перестала их удерживать, видя, что дело плохо.

Если Рваный и растерялся, то на пару секунд, пока из-за спины не подошли его приятели:

– Это кто?

– Кони в пальто! – рявкнул Фомин. – Улица не купленная, ясно тебе?!

Вуколова ничего не говорила, просто стояла рядом. Тонкий лихорадочно разглядывал компанию: теперь все были к нему лицом и достаточно близко, чтобы разглядеть: нет ни одного фингала, нету! Но, кажется, это ненадолго...

Первым ударил вроде бы Федоров. Тонкий не разглядел, чья это рука вылетела из-за спины, мазнула его по уху (нет, не оторвалось) и врезалась под глаз джинсовому парню. «Теперь ты будешь Ваней», – подумал Тонкий, получая в челюсть и отдавая по ноге, потому что выше уже не доставал. Нога, как выяснилось, принадлежала Вуколовой, но Людке, месившей чей-то широкий живот, было решительно наплевать на такие мелочи. Фомин отбивался от обоих очкариков, короче, все при деле, один Тонкий полеживает себе на асфальте.

Чей-то ботинок промелькнул у самого лица. С железной пластиной, между прочим, мало не показалось бы. Надо вставать. Уцепившись за подвернувшуюся штанину, Тонкий встал и присоединился к драке.

Тяжелее всех приходилось Вуколовой. Первым делом Тонкий разбил ее противнику нос, переключив внимание на себя, а уж потом подумал, что так нечестно. Двое дерутся – третий не мешает. Хотя если дерутся всей толпой... Он получил под дых, и мысль оборвалась. Разглядывая носки ботинок, беспорядочно топтавшихся по асфальту, Тонкий заметил, как тихо все дерутся. Никто не ругался и не кричал, все только сосредоточенно сопели и старательно держали дыхание. Только старичок со своим саксофоном все портит:

– Врежьте этим, врежьте! И этой дуре...

Тонкий опять получил под дых и решил не отвлекаться. Выпрямимся, вдохнем (ох, как это трудно!) и вперед: замах – удар, замах – удар, не забыть увернуться от подлетающей ноги, а то...

– Еще раз здесь увидим, вы – трупы! – джинсовый парень пнул согнувшегося пополам Фомина и почему-то сам пошел восвояси. Остальные – за ним.

«Вот так заканчиваются драки. Быстро, бесславно и в самый неподходящий момент, когда ты только разогрелся». – Тонкий перевернулся на бок, встретился взглядом с Фоминым. Федоров лежал и смотрел в небо, вид у него был самый безмятежный, только разбитый нос портил картину. Вуколова, единственная, стояла на ногах и потирала ухо. Фомин счастливо улыбнулся Тонкому и выдал:

– Че, Санек, мы выиграли?

– Вообще-то, мы валяемся на асфальте, – попробовал возразить Тонкий.

– Да, но ушли-то они! – парировал Фомин, и Тонкий не стал его разубеждать. Зачем портить человеку настроение, тем более что человек, похоже, легко не отделался. Правое запястье у Фомина стало вдвое больше левого, и шишка, похоже, будет. Вуколовой разбили ухо, Федоров выглядел целеньким и бодрым, но, пока поднимался с земли, так гримасничал, что сразу было видно: помяли, и еще как. Себя Тонкий пока не видел, но догадывался: домашний фейс-контроль он сегодня не пройдет. В смысле: без лекции о вреде драк домой не пустят.

– Легко отделался, – оценила Вуколова, и Тонкий сразу повеселел. Если физиономия цела – вечер обойдется без нотаций. С одним Ваней, который обязательно позвонит. А что: он жив-здоров, на стрелку не пришел, да и назначил ее у стены Цоя, где фанаты всегда не прочь подраться. А Тонкий-то размечтался, что перехитрил его! Так, значит.

Сашка попробовал встать, но тут же охнул и согнулся пополам. Ребра! Не какие-нибудь, а слева, те, что он уже ломал весной. Вот невезуха! Как же его припечатали-то крепко! Федоров с Фоминым взяли его под руки и поставили. Вдох-выдох, каких-то полминуты, и Тонкий смог разогнуться. На ногах стоит – уже хорошо. Федоров придирчиво оглядел его и оценил:

– Нормально. Только дыши пореже и будешь жить. У меня такое было в тот год, ничего, прокашлялся. – Он хлопнул Тонкого по спине так, что у него слезы навернулись, и довольно напомнил: – Мы же победили!

Тонкий закашлял, ребро закололо: здравствуй, давненько я про тебя не вспоминал! Был здоров, не кашлял, а тут раз – и вспомнилось! Благодаря Ване. Поймаю – убью.

Нет, ну как подставил-то, а?! Если бы и правда пришла девчонка, подождала бы себе и ушла (хотя все равно – свинство). Вряд ли эти в джинсах стали бы до нее докапываться. Но пришел Тонкий с армией – и получил. Без всякого Ваниного участия, что и обидно. Ваню, может, и поколотили бы. Хитрый Ваня, умный Ваня. А все равно – дурак.

– Получили? – ехидно спросил старичок и снова уткнулся в свой саксофон.

Вуколова как-то нехорошо на него посмотрела.

– Он вроде меня дурой назвал?

– Ага, ага! – закивал довольный Федоров. – Пойдем разберемся?

– Нет! – Людка поймала его за шиворот. – Хватит нам на сегодня.

– Ну, он мне не нравится... – промямлил Фомин, и Тонкий мысленно с ним согласился. Хам старичок тот еще: на пацанов рывкнуть – ладно (тем более на таких, как Федоров и Фомин), но подстрекать во время драки да еще назвать Вуколову дурой... Она не простит!

– Мне тоже не нравится, – честно ответила Людка. – Но бить мы никого больше не будем. Стойте здесь, а лучше – зайдите в кафе, не раздражайте клиента. Я сейчас. – Она развернулась и пошла дальше по Арбату.

Сашка молча взял парней за плечи и повел в кафе. Столик у окна не заняли, и надо было спешить, чтобы не лишать себя зрелища. Войдя в кафе, Федоров и Фомин рванули к столику и усадились в окно, как в театре. Тонкому хватило терпения дойти до прилавка, взять себе фруктового чая... Место он занял вовремя, только сел и увидел: Вуколова возвращается, неся в руках сетку с чем-то желтым.

– О! Она че, в него яблоками будет кидать? – удивился Фомин.

Тонкий хлебнул чаю (кислятина!) и поправил:

– Лимонами. Не будет, я ее знаю.

Вуколова и правда не собиралась ничем кидаться. Она встала напротив саксофониста и спокойно слушала музыку. Саксофонист играл. Повесив сетку на руку, Людка достала один лимон, вытащила из кармана перочинный ножик и принялась этот лимон чистить. Саксофонист играл. Людка чистила: аккуратно, «цветочком», разделила на дольки.

– Че, брызгаться будет? – недоумевал Фомин. Тонкий только пожал плечами: он сам не понимал, что такое затеяла Вуколова.

Людка между тем взяла дольку лимона и принялась ее жевать, отчаянно морщась. Старичок смотрел на нее во все глаза, но продолжал играть. Тонкий хлебнул чаю и от души посочувствовал Вуколовой: лимон-то покислее будет. Людка прикончила дольку и принялась за вторую. Она даже не постеснялась жестом предложить лимончика своему соседу-слушателю. И он взял! Теперь они оба морщились.

– Она так и будет стоять и лопать кислятину? – не выдержал Федоров. – В чем прикол?

Тонкий пил кислющий чай из солидарности, но тоже ничего не понимал.

– Блин, да на нее смотреть кисло! – не унимался Федоров. – Я сейчас слюной захлебнусь, фу!

И тогда Сашка понял! На Вуколову смотреть кисло – факт. И кисло не только Федорову с Фоминим, но и саксофонисту. А саксофон, между прочим, духовой инструмент. Сложно на нем играть, когда слюной захлебываешься.

Подтверждая его догадку, старичок опустил саксофон и что-то сказал Вуколовой. Людка пожала плечами, то же самое сделал ее сосед. Остальные слушатели принялись что-то доказывать старичку красноречивыми жестами. Похоже, они защищали Вуколову: есть лимон – не преступление, и слушатели совершенно не могли понять, что это саксофонист капризничает, почему он перестал играть и чем ему не угодил Вуколова.

Попрепившись (жаль, отсюда не слышно!), старичок снова взялся за саксофон, но поиграть сумел совсем недолго...

– Че ему не нравится? – не понял Фомин.

Тонкий объяснил, как сумел, и под дружный хохот приятелей пошел выручать музыканта. Людка – девушка умная, и приколы у нее такие же, но только хорошего понемножку.

Когда Сашка подошел, она уже принялась за второй лимон и, чтобы не болтать с набитым ртом, молча протянула Тонкому дольку. Пришлось взять. Кислятина переполнила рот и отразилась на лице, причем у саксофониста – тоже. Он опустил инструмент и вежливо, как смог, попросил:

– Уйдите, а?

– Идем, Люд, – пожалел старичка Тонкий. – Домой пора.

Федоров и Фомин, все еще смеясь, выходили из кафешки. Битые, зато веселые. Ваню так и не встретили...

– Здрóрово! – хором оценили Федоров и Фомин. Вуколова польщенно кивнула.

Они отошли наконец от старичка и направились дальше по Арбату, в сторону метро. Хорошо, вообще-то, погуляли. Только вот ребра болят.

– Не огорчайся, Сань, – ни с того ни с сего сказала Вуколова, и Тонкий прекрасно понял, о чем она, потому что и правда огорчился.

– Ваню-то не встретили...

– Ну и что! – оптимистично заявила Людка. – Во-первых, его даже сейчас по «аське» можно выманить. Написать: «Я ждала, ты не пришел, вредина!» – и так далее. Ну, чтобы он подумал, будто это правда девчонка. А во-вторых, ты бабушке его творчество не показывал?

– Смеешься?! Она со стыда сгорит!

Вуколова замахала руками:

– Не записи, а вашу болтовню по «аське». Почерка там, конечно, не видать, но ты говорил – ошибок много?

– Да! – оживился Тонкий. – И ошибки такие приметные – «пабалтать» не каждый дурак напишет, здесь нужен особый дар! Бабушка тем более узнает сразу, на то она и преподаватель... Людка, ты гений!

Вуколова уставилась на асфальт под ногами.

– В крайнем случае, она ведь может провести диктант по нужным словам. Тогда сразу станет ясно – кто. Ну если это, конечно, ее студенты, а не кто-то посторонний.

– Ее, больше некому, – успокоил Тонкий. – Сегодня же покажу!

Впереди сверкали грязные спины Федорова с Фоминым. Досверкали до метро и остановились.

– Может, пешком? – обернулся Фомин. – Погода-то какая!

Тонкий пожал плечами, типа «я не против», Вуколова кивнула. Ну и правильно! Ну и прогуляемся, на радостях-то. Погода хорошая, Ваня – двоечник, что его и погубит в ближайшие несколько часов. Жизнь налаживается!

Глава IV

Несговорчивый профессор

Ключ в замке не поворачивался, значит, бабушка уже пришла. За годы жизни в Москве она так и не оставила деревенской привычки оставлять дверь незапертой, когда сама дома. Тонкий с Ленкой сперва пытались бороться, но быстро поняли, что зря. За бабушкой можно только молча запереть дверь, заставить бабушку самой повернуть ручку замка – невозможно. Этой привычке много лет. Бабушка с гордостью рассказывает, как соседки по студенческому общежитию пытались приучить ее запирать дверь. Они ворвались ночью с воем и в масках, вооруженные бутафорскими пистолетами из кружка самодеятельности. Бабушка тогда отделалась легким испугом, а вот соседки еще долго с ней не разговаривали. Перепуганная бабушка решила дорого продать свою жизнь, и разбойникам не поздоровилось. Утром их было легко опознать по цветастым синякам.

Старая это привычка, как сама бабушка. Она пережила спектакль соседок по общежитию, потом нотации от бабушки, от детей. Много лет многие люди ругались и вопили: «Закрой!» Но ничто не сломало деревенского духа. Бабушка, как много лет тому назад, продолжала оставлять дверь незапертой. Что ей внуки со своим ОБЖ! Что ей квартирные кражи!

Тонкий нажал на ручку, вошел и начал разговор с умным человеком:

– Надо же! Бабушка опять дверь не закрыла! А старушки у подъезда говорили: в нашем доме за последнюю неделю было несколько квартирных краж. Какая непростительная неосторожность...

– Брешут твои старушки, – среагировала бабушка, хотя Тонкий к ней специально не обращался. Он честно разговаривал сам с собой, зная, что с бабушкой бесполезно беседовать о незакрытых дверях. – Врут все. Одна кража у Майи Дмитриевны и была позавчера, а они уже раздули: «Не-е-сколько, за неде-е-лю!» Врут.

Тонкий кивнул: «Хорошо». Ну то есть хорошо, что одна. Хотя Майю Дмитриевну жалко. Она работает вместе с бабушкой, иногда заходит за ней по утрам. Веселая такая, не скажешь, что преподает экономику. Непонятно, что именно домушники хотели украсть в квартире преподавателя, но обидно же!

– Как она сама-то?

– Сейчас отошла вроде. Говорит, вынесли всю технику, даже холодильник. Днем, пока она была на работе. И как не лень-то было: с пятого этажа, без лифта.

– Ничего себе!

Что тут говорить: действительно чудно. Загадочные преступные умы, не постижимы они ни для бабушек, ни для подростков. Вот почему их понесло именно к Майе Дмитриевне?! В подъезде есть люди побогаче, и квартиры их пониже пятого этажа, и тоже днем никого не бывает дома. Ан нет, понесло бедолажных за стареньким холодильником на пятый этаж, когда на первом новеньких полно...

– Да как в анекдоте, прости господи! «Ограбили квартиру на пятнадцатом этаже. Вынесли рояль и шангу». Она уже не знает, рыдать или смеяться.

Сашка кивнул, действительно, и смех и грех. А самое смешное, что эта кража не могла быть случайной. Что ли, проходил человек мимо, увидел незапертую дверь, как у бабушки, да и вынес всю бытовую технику в кармане?! То-то. Спланирована была кража, и действовал не один человек, и грузовик небось под окнами ждал... Вот и пойми после этого загадочную преступную душу!

Хотя если в каждом дурацком поступке искать глубинный смысл, то можно бог знает до чего доискаться, а правды все равно не узнать. Кража была одна, и произошла она у Майи Дмитриевны, точка.

– Милиция приезжала?

– Вчера. Ищут.

«Группу идиотов, торгующих подержанной бытовой техникой», – подумал Тонкий. А вслух он не нашел, что сказать, и не сказал ничего, молча стал переобуваться.

Зря, потому что бабушка еще не ушла и, конечно, заметила испачканные джинсы. Конечно, присела и стала разглядывать грязные подтеки, порванный рукав и заодно Сашкину страдальческую физиономию: чтобы разуться, надо присесть, а это больно, когда ушиблено ребро. Наконец, бабушка озвучила свою догадку:

– Дрался?

Ну что за человек! Двери не запирает, хоть в подъезде и кража, в драках уличает, хоть лицо и не помято... Стало почему-то обидно: за нее ж беспокоятся и в драку лезут, а она!..

– В футбол играл, – соврал Тонкий. И тут зазвонил телефон.

Не дав бабушке опомниться, Тонкий в одной ботинке влетел в комнату и схватил трубку:

– Слушаю!.. И повинуюсь, – ляпнул он, сам от себя не ожидая.

До боли знакомый голос хмыкнул и ответил:

– Не будет ли любезен уважаемый джин пригласить к телефону Валентину Ивановну?

Тонкий хотел ответить, как в мультике – про шашлык, но подумал, что это будет недостаточно грубо. А что будет достаточно? И зачем? Чтобы возглавить хит-парад пранковских файлов?! Сомнительная слава. Тонкий дотянулся до пульта, врубил телек. Какой-то музыкальный канал – очень хорошо. Добавил звука, положил рядом трубку и вышел. Пусть Ваня послушает музычку, это успокаивает.

Бабушка стояла прямо за дверью, угрожающе скрестив руки:

– Что ты ему сказал?

– Ничего. Музыку включил.

Бабушка заглянула в приоткрытую дверь за Сашкиной спиной, увидела: трубка лежит, музыка играет, и возмутилась:

– Это же неприлично! Тебе звонит человек, а ты...

Все-таки бабушки – удивительные люди. Их изобрели специально, чтобы внуки не соскучились. Они могут пичкать тебя пирожками, а через минуту говорить, что сладкое – вредно. Могут ругаться как сапожники, но падать в обморок при слове «дурак». Могут закопать на даче все яблоки (слишком много в этом году, не увезем) и купить на рынке точно такие же (надо же в город фруктов привезти). И при всем при этом они будут правы. Всегда. И не спрашивайте, почему, этого никто не знает. Даже сами бабушки.

– Ба, да ты что?! Он тебя доводит, ты ругаешься – это нормально. А музыку включить уже нельзя?

Бабушка поджала губы:

– Может быть, он по делу позвонил, а ты не дал сказать.

– Самой не смешно?

– Нет. Подойди и возьми трубку.

Тонкий не стал спорить, подошел, взял, услышал частые гудки и с чистой совестью повесил трубку над рычагами, ловко подсунув под нее карандаш. Из коридора не видно, что трубка не лежит, и не слышно. Зато так спокойнее. Развернулся и быстро пошел назад, чтобы бабушка не вошла за ним.

– Он уже отключился.

– Ну и ладно. Так ты, говоришь, любил футбол?

– Какой футбол?

– Так и знала, что никакой! Дрался, отвечай?

Вот так прокалываются сыщики. Неожиданный вопрос, необдуманый ответ – и про тебя все известно. Вопросы, наверное, задают специально обученные бабушки. Конечно, можно попробовать отбрехаться:

– Мы с Фоминым банку пинали. Вот я и сказал: «Футбол».

– Синяков тебе тоже Фомин наставил? Вот я на него в милицию!..

– Нет! Подожди! – Тонкого уже утомила эта игра в разведчиков. – Пойдем, я тебе кое-что покажу.

– Сперва скажи, с кем подрался.

– Да блин!

– Ты можешь употреблять бранные слова. В конце концов, это такие же лексические единицы, как и все остальные. Но изволь делать это своевременно и пра...

– Сдаюсь, сдаюсь! – Тонкий картинно поднял руки. – Гуляли на Арбате с Федоровым, Фоминым и Вуколовой. К нам пристала компания фанатов Цоя, мы подрались. Довольна?

– Теперь верю, – бабушка удовлетворенно кивнула. – Если понадобится, я у себя в комнате. – Она развернулась, чтобы уйти. Ну что за человек! Сперва всю душу вымотает, а потом: «Я у себя в комнате». Эй, а ошибки как же?!

– Подожди! Я должен тебе кое-что показать!

– Что? – обернулась бабушка.

– Увидишь, пойдем.

– Опять играешь в секреты? Мне некогда, меня ждет целая куча тетрадей.

Нет, ну как вам это нравится?! Когда бабушка почему зря гробила время на воспитательную работу, эта куча ждала и не шелестела. А теперь, когда речь идет о действительно важном...

– Не куча, а стопка, – кротко поправил Тонкий. – Это ее тоже касается. Пойдем, а?

– Ну что с тобой делать? – бабушка картинно вздохнула. – Ты просто вьешь из меня веревки. Пойдем, чего уж. Только быстро, тетради ждать не будут.

«Проверятся сами», – сердито подумал Тонкий, но вслух только крикнул:

– Мигом! – И первый скакнул в свою комнату.

Ничего, сейчас бабушка увидит эти ошибки, забудет обо всех на свете тетрадях!

Сашка включил компьютер, мучительно долго топтался рядом, ожидая, пока загрузится. Бабушке как раз хватило времени дойти и сесть рядом.

– Мультфильм какой-нибудь?

– Нет, сейчас... – Тонкий открыл «хистори» новой «аськи», развернул во весь экран и кивнул: – Смотри, какие ошибки.

– Отвратительные, – глянула мельком бабушка. – Все?

– Тебе не знакомы?

– Что?

– Ошибки. У твоих студентов таких нет?

– Встречаются, но не все сразу. А что?

– Это Ваня, ба. Телефонный. Посмотри в тетрадях, а?

Сначала бабушка молча рассматривала экран. Потом несколько раз пролистнула туда-обратно их содержательный диалог. Рассеянно спросила: «Что за Ира?», только кивнула, услышав ответ (в другое время прочла бы нотацию). Потом сказала:

– Это не мой студент, Саш. У меня таких грамотеев нет и быть не может. Хотя... Похоже, добрую половину ошибок он делает специально.

– То есть?

– Прикалывается, – непедагогично объяснила бабушка. – Вот, например, мягкий знак после «Ш» – то есть, то нет. Он не такой безграмотный, каким хочет казаться. По пунктуации все чисто, есть только орфографические ошибки. Они заметнее, вот он и развлекается. По моему, он даже не первокурсник.

– Второй курс, – поддержал ее Тонкий. – Смотри сюда.

Он открыл форум университета, где Ваня был под другим ником, но по-прежнему оставался Ваней. Парнем, который любит мотоциклы, апельсиновый сок (о чем неосторожно сболтнул по телефону) и пишет «пабалтать».

Бабушка сперва не поняла: «Смотри, тут же подпись другая», но стала читать, и возражения кончились. Ничего компрометирующего Ваня не писал, так, интересовался темами рефератов (не был на этой лекции), спрашивал старшекурсников, что будут сдавать в четвертом семестре. Но «пабалтать» говорило само за себя. Плюс мотоциклы с апельсиновым соком. И фингал!

– Есть у тебя студенты с фингалом?

Бабушка посмотрела на Тонкого, как на двоечника.

– У меня на втором курсе четыре группы. Полторы сотни человек в аудитории. Как в театре. Я на трибуне, они в зале. С фингалами, ирокезами, фиксами... Я каждого разглядывать должна?

Тонкий пожал плечами: не хочет – пусть не разглядывает. А вот и еще зацепочка...

– Смотри: он не знает темы рефератов, значит, на этой лекции не был. Ты ведь отмечаешь отсутствующих?

Бабушка уже листала свою тетрадку-кондуит, бормоча себе под нос:

– Второй курс, темы рефератов я давала на «Сложном синтаксическом целом»...

Тонкий бесстыже подглядывал через плечо и первый заметил: «10.09. Сложное синтаксическое целое». Тезисы для лекции, темы рефератов и...

– Вот, смотри, список отсутствующих!

Список был на две страницы: два столбика в алфавитном порядке бабушкиным размашистым почерком – человек тридцать. Вычитаем девчонок, и остается всего-то пять фамилий. А может, и меньше: Гришко и Чмирь под вопросом. Тонкий потыкал в них пальцем:

– Это парни?

– Гришко – да. – Она встала и с вызовом посмотрела на Тонкого: – Что ж, пойду загляну в их тетради. Хотя «пабалтать» – приметная ошибка, я бы запомнила.

– Я с тобой! – ляпнул Тонкий и прикусил язык. Утомительное это занятие, друзья, – проверять тетради второкурсников, особенно когда сам еще школу не закончил. Преподаватель справится и один. Но что попрошено, то попрошено, отказываться уже неудобно.

– Идем. Посмотришь на чужие ошибки, заодно сам подтянешься. Видела я твою пунктуацию, – она кивнула на монитор. – Позорище. Идем-идем.

Тонкий вздохнул, ругнул себя за длинный язык, вытащил из клетки верного крыса (все не одному страдать) и поплелся за бабушкой.

Месяц – это очень много. Это двадцать рабочих дней, это восемьдесят учебных часов. Двадцать четыре из них – бабушкины. Каждый час – это страница диктанта (остальное время – конспекты, слава богу, для них у студентов другие тетради). Четыре человека, по двадцать четыре страницы диктанта у каждого. Девяносто шесть страниц, сорок восемь листов. Это ж целая толстая тетрадь! Или четыре тонких по двенадцать листов. Много.

А почерки! Тонкий натурально сломал глаза, выискивая в студенческих каракулях знакомое слово. Нет, не нашел. Но когда бабушка закрыла последнюю тетрадь, стало почему-то легче.

Ошалевший от количества бумаги Толстый дегустировал тетрадь Гришко. Получил от бабушки по носу, принялся за Иванова. А у пранкера – ник Ваня...

– Ну что ж, – бабушка сняла очки, – больше всего я думаю на Иванова. Чистая пунктуация, безобразная орфография. Но моветонов таких, как «хочеш пабалтать», у него нет.

– Здесь вообще слов таких нет, – сник Тонкий: вроде близко к правде, вроде многое сходится, а вот главного доказательства не нашли. – Может, ты им диктант устроишь на эти слова? «Что ли», «пазнакомиться», «нармальный».

– «Нармальный» есть, – подхватила бабушка. – Опять-таки у Иванова. А диктант? Саша, я не вправе самовольничать из-за того, что мне, видите ли, звонят! Есть учебная программа. Из-за этого горе-диктанта у меня не останется времени на действительно нужные упражнения. К тому же, по-моему, и так все ясно.

Она сняла очки и стала протирать их уголком халата. Усердствовала при этом так, будто стирает остывший воск или толстый слой клея. И лицо у нее было соответствующее: гримасничала, будто хотела протереть очки насквозь, раздавить стекла...

Тонкий понял: Иванову завтра не поздоровится. А еще подумал, что человек мог и присутствовать на лекции, просто не успел записать все темы рефератов. Или поленился. Или опоздал. Или вообще – не хотел писать этот реферат, пусть будет двойка, темы специально не записал, а потом вдруг образумился и спросил на форуме. В общем, ерундой они с бабушкой занимались. По-хорошему, надо проверять все сто пятьдесят тетрадей вдоль и поперек. За вычетом девчонок – около сорока. А ведь есть еще и другие факультеты...

– Хорошо, что у меня в этом семестре только журфак!

Ага, нет других факультетов, уже лучше. Толстый грыз ивановскую тетрадь. Тонкий забрал его на руки и приготовился отстаивать презумпцию невиновности.

– Ба, тебе ведь все равно нужно проверить все?

– Что? – бабушка будто вынырнула из голубой мечты о расправе с Ивановым. – Только последний диктант. А что?

Тонкий рассказал, что он думает о студентах, не знающих темы рефератов: могли ведь присутствовать на лекции и не записать!

Тогда бабушка рассказала, что она думает о Тонком, Иванове и молодежи вообще. Профессорский статус и присутствие несовершеннолетнего внука ее не смутили. Тирада была длинной и тяжелой, как рельсы трамвая. Толстый сжался в комок, Тонкий тоже хотел, но у него не получилось – мешало пострадавшее ребро. Сидел и не знал, куда деваться от собственного несовершенства, и в конце концов собрался позорно бежать из комнаты. Но бабуля припечатала:

– Сиди, поможешь.

Глава V

Группа захвата «Кому за семьдесят»

Тысячи капелек врезались в грязное стекло, разбивались и летели брызгами. На их месте оставались неровные водянистые точки, которые сползали по стеклу дорожками. К форточке припечатало дождем кленовый лист. При каждом дуновении ветра он шевелил ножкой, тянулся-тянулся вверх, словно пытался освободиться и улететь. Голая ветка-скелет скребла по стеклу, будто палец. Типа, дерево так протянуло руку и ногтем шкряб-шкряб: чистое у тебя окно, парень, или дождик должен еще полить?

Хорош дождик! Ливень! Водопад! Фонтан в ГУМе! И меньше всего хочется вставать и бежать в школу. Бежать вообще никуда не хочется. Хочется валяться и смотреть, как разбиваются-разлетаются по стеклу дождевые капли! Акварелью бы хорошо вышло: ею можно и капельки передать, и текучесть, и муть, которая встает за стеклом, размывая деревья и дома напротив.

Да только кто ж даст-то?! В школу пора, труба зовет!.. Впрочем, что-то молчит наша труба. В доме было подозрительно тихо. Не галопировала в коридоре Ленка, не ворчала бабушка, даже Толстый мирно сидел на подушке и доедал кусок ластика.

Проспал? Да разве Ленка с бабушкой позволят такую роскошь?! Они так шумят по утрам, что не захочешь, а проснешься! Наверное, еще рано, все спят. Тонкий повернулся посмотреть на часы, а увидел записку.

Сходи в травмпункт, пусть полюбуются на твои синяки. После – можешь пойти в школу.

Бабушка .

Синяки? А, ну да, вчерашняя разборка с Ваней, на которую Ваня-то не пришел, а по шее бойцам все равно досталось. Но Тонкий вернулся домой вполне приличный с виду, только помятое ребро выдало себя, когда он развязывал шнурки. Сашка откинул одеяло, посмотрел на себя, любимого, и сразу понял, в чем прикол. Все левые ребра в поле зрения были ядрено-фиолетовыми!

Наверное, бабушка утром пришла его будить да и заметила. Заметила и решила дать человеку поспать, а когда проснется – сдать его травматологам. Профессору некогда по травматологиям таскаться, так что пусть человек ходит один. А там захочет – может пойти в школу, бабушка не настаивает, потому что она все-таки бабушка, а не зверь. Может, человеку плохо, она же не знает!

Тонкий потянулся вставать и подумал, что травмпункт – прекрасная идея. Просто замечательная, только дойти бы до него! Ребро болело так, что глаза вылезали на лоб и вежливо здоровались друг с другом. Дышать было трудно. А в коридоре скрипнула половица.

Тонкий наконец глянул на часы: десять. Бабушка и Ленка уже давно грызут и сервируют гранит науки. Ну и что, что бабушка – преподаватель, сама говорила, что студентам надо вечно все разжевать и в рот положить. За некоторых и глотать приходится... Может, ей надоело это занятие и она решила вернуться? Или сестренке вздумалось прогулять? Тонкий хотел крикнуть: «Лен!», но ничего у него не получилось, слишком кололо ребро. Он молча встал и побрел к двери. Шаги в прихожей оборвались: точно Ленка. Пришла, услышала, что дома кто-то есть, вот и замерла. Стремается бабушки. Хотя нет, глупо: наверняка она знает, что Тонкий дома. Он потянулся открыть дверь и услышал:

– Брысь, нечисть!

Голос был мужской.

Тонкий так и замер с дверной ручкой в руке, боясь и нажать, и отпустить. На всякий случай: голос не папин, и не дедушкин, и вообще – незнакомый, и в гости Сашка никого не ждал...

В общем, умному достаточно. Неизвестно, что такого незнакомец забыл в их доме, как проник внутрь, да и не суть. Суть в том, что сейчас он откроет дверь и нос к носу столкнется с Тонким!

Так! Я не трус, но я боюсь. Спасибо Толстому за своевременную разведку. А то бы Сашка сейчас вышел в коридор, как пить дать, и столкнулся бы с домушником. Скорее всего с ним: Тонкий вспомнил о краже у Майи Дмитриевны. Тогда почему он один? Холодильник выносить – много народу нужно. «А кто сказал, что он один?» – спросил сам себя Тонкий, и ему стало по-настоящему страшно.

Шаги скрипели и скрипели по коридору, замерли ненадолго у Сашкиной комнаты и решительно направились дальше. Тонкий хихикнул про себя: дальше только уборная и кухня. Вряд ли бандит решил перекусить, так что – сам виноват.

Тонкого трясло и колотило, но – сейчас или никогда! Он нашарил в рюкзаке ключи и мобильник и, под звук спущенной воды в туалете, вылетел в коридор. Бегом, бегом отсюда, неизвестно, кто в доме, но Тонкому он точно будет не рад.

Распахнул входную дверь. Выскочил, запер снаружи, оставив ключ в замке вполоборота, одной рукой набирая «ноль два». Запереть прищельца застрявшим в замке ключом, может, и не получится, но задержать можно.

Оператор ответил, Тонкий назвал адрес и произнес волшебные слова: «Домушник еще здесь». Этого хватило, чтобы пообещали прислать наряд, избавив его от расспросов.

От холодной плитки подъезда босые ноги буквально горели. Осенью на лестнице в одних трусах – жутко холодно.

...А еще домушники любят оставлять кого-нибудь на шухере в подъезде. Не исключено, что именно сейчас этот человек стоит за спиной и пересчитывает цветочки на Сашкиных трусах.

Не оборачиваться – слишком страшно. Звонить во все квартиры, но уходить на этаж выше или ниже – опасно, на шухере, как правило, там и стоят. На своей лестничной площадке и стены помогут: может, и повезет, может, и пронесет. «Может, повезет, может, пронесет», – колотило в висках.

Подбежал Толстый (просочился за хозяином – умница) и вскарабкался на плечо. Тонкий истерично давил на звонок соседа справа, соседа слева, еще одного соседа слева. Утро – все уже на работе. А Тонкий – стой, как дурак, на лестнице, боясь обернуться.

Он не слышал ни шагов, ни скрипа кожаной куртки. Честно говоря, он вообще ничего не слышал, кроме стучавшего в ушах собственного сердца.

...А через секунду он уже вдыхал запах этой кожаной куртки и боялся чихнуть то ли из-за ребра, то ли от страха.

– Тихо! – Слово было лишним.

Тонкий не смог бы закричать, даже если бы захотел. Он почти висел в тисках кожаной куртки и думал: хорошо, что он не видит лица нападавшего. Может, он страшный, а может, и нет. Пока не видишь, можно нафантазировать себе хоть Фредди Крюгера, хоть мишку Гамми. Не хочется видеть настоящее лицо, есть в этом какая-то безысходность.

Кожаные тиски сжимали покалеченное ребро, пульс бился в ушах: «Тихо-тихо-тихо». Ну, это ты Толстому скажи! Верный крыс, зажатый между Сашкиным плечом и рукой незнакомца, верещал, как тысяча драных котят.

– Больно ему, – пробубнил Тонкий сквозь ладонь у рта. Ладонь была без всяких перчаток, но жутко воняла парфюмом. Незнакомец понял и, ловко вскинув руку, сбросил Толстого на пол.

– Осторожнее! – рассердился Тонкий, думая, что нет, не Фредди Крюгера там лицо, а обычной шантрапы, которой даже не доверяют «работать» в квартире, на шухере вот оставили. Фредди Крюгер – парень серьезный, обижать маленьких крыс – ниже его достоинства. Значит, ерунда. Мелкая сошка. Шантрапа.

– Тихо! – шикнул Шантрапа, пытаюсь восстановить субординацию. – Тихо, а то убью!
«Врет, – меланхолично подумал Тонкий. – Во-первых, домушник не станет подставлять свою шею под «мокрую» статью, во-вторых, этот – даже не настоящий домушник, а так... На шухере стоит, подумаешь, важная птица!»

Говорить «Врете» и нарываться было все-таки глупо: мало ли какие у этой сошки амбиции! Может быть, он мечтает со временем стать знаменитым вором, не брезгующим убийствами, а Тонкий ему: «Врете, вам слабо!» Не стоит рисковать. Стоять себе спокойно, тянуть время, дать возможность второму домушнику хорошенько покопаться в квартире. Чем дольше копается, тем больше у нас надежды дожидаться милиции. Этот кожаный не слышал, как Тонкий звонил по мобильнику. Точно не слышал, иначе бы давно вытащил из квартиры своего друга, и они бы вместе сделали ноги. Значит, ждем. Ждем, ждем.

Сердце уже не долбилось в виски, страх сменился апатией: что они в самом деле? У Тонкого ребро помято, у Вани морда не набита, у Ленки с бабушкой – тоже проблемы есть. А они – квартиру обворовывают! Делать, что ли, Сашке больше нечего, чем стоять здесь голышом на лестнице и ждать милиции?!

Толстый тоже сидел голышом на лестнице и угрюмо чесал ногой в затылке. Крысы, конечно, не люди, чтобы носить одежду, мстить, обижаться... Но кое-чем они похожи. Толстый, например, был уверен: ни одному двуногому не позволено швырять его на лестницу с размаху. Хозяина обижать – тоже не позволено никому, но Толстый же не собака! Он просто не видел, как Шантрапа держит Сашку и как Тонкий морщится из-за больного ребра – у крыс неважное зрение. Зато он прекрасно видел маячившую перед носом джинсовую штанину. Штанина пахла. Штанина пахла тем, кто швырнул его на лестницу. Сам виноват – будет наказан.

Толстый взвился по штанине, как взрыв маленькой противопехотной мины. Долез до плеча, лихо скатился по руке, как с ледяной горки... И от души цапнул голую кисть!

Не-ет, не ерунда! Четыре желтых резца (здоровый цвет для грызуна) вошли в ладонь на все полтора сантиметра длины и два миллиметра ширины.

– Ё! – Шантрапа отдернул руку, и Тонкому этого хватило, чтобы вывернуться и сбежать на два пролета вниз. На третьем он все-таки остановился, обозвал себя предателем, крикнул:

– Толстый! – и побежал дальше, потому что Шантрапа уже успел опомниться и летел за ним. Толстый висел у него на руке, как детская варежка на резинке. Но, услышав зов, отцепился, молодец, и побежал вперед Шантрапы на голос Тонкого.

– Стой, пацан, убью!

«Врет», – подумал Тонкий уже не так уверенно, как две минуты тому назад. Поймал на ступеньках верного крыса, выскочил из подъезда...

А дальше что? В тяжелую железную дверь трудно войти, не зная кода (хотя и это не преграда), а выйти-то – запросто. Сейчас Шантрапа легким движением пальца нажмет кнопку...

Тонкий налег спиной на дверь, уперся ногами и завопил:

– Помогите!

В глубине двора парень с мусорным пакетом чуть притормозил, чтобы посмотреть, что за придурок в одних трусах вопит у подъезда. Девчонка с собакой осторожно повернулась в сторону Тонкого, увидела: не ее бобик озорует, и пошла себе. Мужик с гаечным ключом вынырнул из-под машины и с любопытством уставился на Сашку, не торопясь подходить. На лавочке встрепенулась одна из бабулек:

– Чего тебе, голопуз?

– Там вор! – крикнул Тонкий и получил удар в спину железной дверью. На секунду он ее удержал, а через две – ему уже не хватило места у этой двери.

Бабульки повскакивали с лавочки, как десантники, и моментально подперли собой железную дверь. Одна налегла спиной, рядом с Тонким, не выпуская из рук свою клюку (Тонкий больно получил ею по ноге, но решил не возмущаться). Две другие старушки тут же последовали ее примеру и выдавили Тонкого из общей кучи, как косточку из-под пальца. Со стороны они смахивали на гигантского паука, который держит дверь спиной и всеми лапами. Причем некоторые лапы были длиннее прочих, потому что ни одна бабулька не выпустила свою клюку.

– Беги за милицией, мы подержим! – рявкнула одна.

Тонкий хотел возразить, что наряд он уже вызвал, но махнул рукой и побежал. Во-первых, с бабушками спорить – занятие зряшное само по себе, а нам дорога каждая минута. А во-вторых, отделение-то – вот оно, за углом, бежать недолго.

Вот уже и ступеньки, и окошечко дежурного.

– В моей квартире домушник, я его спугнул, бабульки держат дверь подъезда, здесь, за углом! – выпалил Тонкий на одном дыхании.

Дежурный оторвался от кроссворда (журнал «Лиза», ха-ха, как у Ленки!), оглядел видимую в окошечко часть Тонкого. На лбу его читались немые вопросы: «Парень, ты совсем голый или соблаговолит надеть трусы, чтобы не нарушать общественный порядок? Смотри, у нас с этим строго! А ты с этим домушником дрался? Вон у тебя какие синяки!»

– Я спал, – поспешил объяснить Тонкий. – Слышу – в коридоре шум. Смотрю на часы – все уже на работе и в школе...

– Сядь, – дежурный кивнул на банкетку напротив окошечка.

Тонкий поспешил сесть, спорить – только время терять. Секунду дежурный разглядывал цветочки на Сашкиных трусах, словно прикидывая: наденет вменяемый человек такие или нет, потом нажал что-то на столе, пробормотал:

– Гэнээр, на выход! – А Сашке сказал: – Сейчас.

Получилось действительно «сейчас»: по коридору затопали ботинки, колыхнулся прошлогодний календарь над головой дежурного, рука с грязным манжетом рывком подняла Тонкого и подтолкнула к выходу:

– Бегом, показывай.

Не оборачиваясь, Тонкий полетел домой, только чавканье ботинок по лужам за спиной давало знать: помощь не отстает.

Толстый шкрябал коготками по плечу, пытаясь удержаться. Прохожие останавливались, чтобы поглазеть на необыкновенный кросс: парень в одних трусах, разукрашенный синяками, и группа милиционеров за ним. Один даже решил помочь погоне и ловко подставил Тонкому подножку.

– Отставить! – рявкнули сзади, а Тонкий успел перепрыгнуть через подставленную ногу.

Бабульки еще боролись с Шантрапой. Судя по воплям, приоткрытой двери и мелькающим в воздухе тростям, приходилось им нелегко. «Второй спустился», – решил Тонкий – и оказался прав. В приоткрытую на несколько сантиметров дверь пыталась просочиться рука в бежевой ветровке. Две бабульки самоотверженно держали дверь, третья, перехватив клюку, как кий для бильярда, пыталась втолкнуть руку обратно.

– Всем спасибо! – рявкнул парень из ГНР.

Две бабульки немедленно покинули пост у двери и заняли места в зрительном зале – на лавочке. Третья, увлеченная охотой и обрадованная, что дверь наконец-то открыта и

ничто не препятствует честному поединку, перехватила клюку в кулак и врезала домушнику между глаз, мимоходом заехав по уху и подбежавшему милиционеру.

– Отойдите, сказал!

Бабулька так и замерла с поднятой в замахе клюкой. Тонкий не стал ждать, подошел, молча взял ее за рукав и отвел на лавочку.

А пока отводил, пока проходил эти длиннющие пять метров, суматоха у подъезда попритихла.

– Упарилась! – не к месту ляпнула одна бабулька, и остальные тут же зашикали на нее.

Из подъезда вышел милиционер, ведя перед собой парня в кожаной куртке. Куртку Тонкий узнал, за те несколько минут на лестничной клетке он довольно близко успел с ней познакомиться. Жалко, лицо видно плохо... Тонкий наклонил голову: точно не Фредди Крюгер! Парень как парень, курносый, бритоголовый.

– Ишь, в кожах весь! – откомментировала одна из бабулек, и остальные с ней согласились.

Следом вышли остальные парни из ГНР, они вели еще двоих.

Двоих?!

В подъезде Тонкий видел только Шантрапу и мог поклясться, что в квартире ни одного человека больше не было. Ну не могли двое синхронно красться по коридору и вместе пойти в туалет!

Вообще, Сашка видел в кино, как ходят на квартирные кражи: один или двое в доме, двое на шухере – этажом выше и этажом ниже. Но Тонкий с Шантрапой возились громко, странно, что вор в квартире их не услышал. Неужели третий парень, стоявший в одном лестничном пролете от них, не спустился бы посмотреть, что происходит?! Спустился бы, как пить дать. Просто не было третьего парня! Не бы-ло!

Кого взяли – это второй вопрос. Скорее всего, этот несчастный просто имел неосторожность выйти из своей квартиры этажом выше, когда рядом брали воров. Приятного мало, но в милиции разберутся.

– Взяли, – выдохнула бабулька рядом с Тонким и толкнула его же в бок: – Ну что, девчонки, мы еще на что-то годимся?!

«Девчонки» дружно захохотали, а Тонкий согнулся пополам – бабулька задела большое ребро.

– Пацан! – крикнул один из гэнээровцев. – Пройдем!

Тонкий не стал возражать, встал, сказал бабулькам: «Спасибо» и пошел в милицию. Неплохо бы, конечно, зайти домой одеться, но сейчас вряд ли ему позволят. В квартире следы воров и все такое.

Глава VI

Студент в «обезьяннике»

– Дай пацану куртец какой-нибудь, околеет же!

– Ща, прямо здесь стриптиз устрою! – хмыкнул парень из ГНР, толкая перед собой Шантрапу. Шантрапа спотыкался в длинном коридоре, парень его придерживал, так что обе руки у него были заняты.

– В шкафу прошлогодняя пуховка валяется, пусть берет хоть насовсем!

– С бомжа, что ли, снял?

– Сам ты!.. – Парень толкнул дверь в кабинет и нырнул туда вместе с Шантрапой, крикнув: – Иди с ним, пацан! Он тебе куртку даст. – И захихикал непонятно над чем.

Подполковник с усами, который и просил дать «куртец», тронул Тонкого за плечо:

– Пошли. – И повел перед собой в соседний кабинет.

Зарешеченное окно, пожелтевший кактус, два стола, заваленных бумагами, плащ на плечиках, плакат с козой на мопеде, шкаф, электрический чайник на тумбочке.

– Роман Петрович, – представился подполковник, кивая Сашке на стул. – Сейчас найду тебе экипировку, и приступим.

Он открыл шкаф и нырнул туда по пояс. На волю полетели ватные штаны, чей-то ботинок, халат уборщицы и стопка бумаг. Наконец вынырнул сам подполковник, держа в руке черный пуховик. Подол пуховика шаркал по полу, Тонкий прикинул: до пят не достанет, значит, еще ничего. Главное – тепло. Роман Петрович бросил «куртец» Сашке и потребовал:

– Рассказывай.

Самым трудным оказалось донести до подполковника, что третьего парня на краже не было. Сашка подробно рассказал, как скрипели половицы в коридоре, как невидимый вор пошел в туалет и спустил там воду, надеясь, что подполковник не дурак и поймет: в квартире был один вор. Он расписал, как голосил Толстый, как они вдвоем убегали по лестнице, упирая на то, что гнался за ними один человек.

Подполковник если и удивился, то виду не подал. Когда Тонкий сказал открытым текстом:

– Их было двое, а вывели троих, – тот одернул:

– Рассказывай, что видел сам.

– Я и рассказываю! Если бы на лестнице был второй человек, он бы услышал и спустился.

– Ты его видел?

– Нет.

– Вот и все. Дальше?

– Дальше я выскочил из подъезда... – Тонкий в красках расписал безучастных свидетелей и героических бабулек и остановился на том месте, когда он прибежал к дежурному.

Подполковник еще поспрашивал про кожаного, про время на будильнике, про соседей, которых не было дома (Тонкий же звонил им в двери). Попытался выяснить имена-адреса героических бабулек, но Тонкий же с ними не знаком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.